

e-ISSN 3060-5059

DOI: 10.67227

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in
Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 9

2026

Founded in 2024

publishscience.uz

publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

RUS VA O'ZBEK KOMMUNIKATIV XULQ-ATVORIDA XUSHMUOMALALIK SHAKLLARINI TANLASHNING IJTIMOY-MAQOMIY SHARTLANGANLIGI

Tillyayeva Malika Yuldashevna

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti, assistent.

e-mail: malika.tillyaeva@gmail.com **ORCID:** <https://orcid.org/0009-0007-1174-7125>

Annotatsiya.

Maqolada rus va o'zbek tillaridagi ommaviy universitet muloqotida xushmuomalalik shakllarining ijtimoiy-maqomiy, kommunikativ-pozitsion va institutsional shartlanganligi o'rganiladi. Qiyosiy tahlil til vositalarining tanlanishi ishtirokchilarning ijtimoiy-rolli konfiguratsiyasi va kommunikativ pozitsiyasi, shuningdek, muayyan universitet resursining lokal janr amaliyoti bilan bog'liqligini ko'rsatdi.

Kalit so'zlar: xushmuomalalik, nutqiy etiket, ijtimoiy maqom, kommunikativ pozitsiya, institutsional diskurs, murojaat, institutsional variativlik, rus tili, o'zbek tili.

СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЫБОРА ФОРМ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Тилляева Малика Юлдашевна

Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова, ассистент.

Аннотация.

В статье исследуется социально-статусная, коммуникативно-позиционная и институциональная обусловленность форм вежливости в публичной университетской коммуникации на русском и узбекском языках. Сопоставительный анализ показал, что выбор языковых средств связан с социально-ролевой конфигурацией и коммуникативной позицией участников, а также с локальной жанровой практикой конкретного университетского ресурса.

Ключевые слова: вежливость, речевой этикет, социальный статус, коммуникативная позиция, институциональный дискурс, обращение, институциональная вариативность, русский язык, узбекский язык.

SOCIAL-STATUS DETERMINANTS OF POLITENESS FORM SELECTION IN RUSSIAN AND UZBEK COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Tillyayeva Malika Yuldashevna

Sharof Rashidov Samarkand State University, Assistant.

Abstract.

The article examines the social-status, communicative-positional, and institutional conditioning of politeness forms in public university communication in Russian and Uzbek. The comparative analysis demonstrates that the choice of linguistic means is associated with the participants' social-role configuration and communicative position, as well as with the local genre practices of a particular university resource.

Keywords: politeness, speech etiquette, social status, communicative position, institutional discourse, forms of address, institutional variation, Russian language, Uzbek language.

Введение. Вежливость как регулятивная категория коммуникативного поведения реализуется посредством языковых средств, выбор которых соотносится с социально-ролевыми позициями участников, дистанцией между ними и условиями взаимодействия. При сходной коммуникативной интенции могут варьироваться способы адресации, степень прямоты высказывания, грамматическое оформление и средства прагматического смягчения. В настоящем исследовании под формами вежливости понимаются конкретные способы языковой реализации данной категории. К ним относятся этикетные формулы, номинативные и местоименно-грамматические средства адресации, способы оформления просьбы, вопроса, рекомендации и другие средства регулирования социальной дистанции.

В публичной институциональной коммуникации выбор этих средств приобретает особую значимость, поскольку социально-ролевые позиции участников относительно устойчивы: обучающийся обращается к представителю образовательной организации, обладающему институционально обусловленными полномочиями. Вместе с тем конкретное языковое оформление такого взаимодействия не может быть объяснено только статусным соотношением коммуникантов. На выбор формы способны влиять коммуникативная позиция участника — иницирующая или ответная — и сложившиеся способы оформления взаимодействия в рамках конкретного институционального ресурса. Поэтому при сопоставлении русскоязычного и узбекскоязычного материала принципиально важно разграничивать влияние статусной асимметрии, коммуникативной позиции и локальных институционально-жанровых условий.

Цель исследования — выявить и сопоставить средства вежливости в иницирующей и ответной позициях статусно асимметричного публичного университетского взаимодействия на русском и узбекском языках.

Научная новизна исследования состоит в выявлении вариативности языковой реализации вежливости при сходной социально-статусной конфигурации участников русскоязычного и узбекскоязычного публичного университетского взаимодействия. На материале сформированной выборки показано, что выбор конкретных языковых средств соотносится не только со статусной асимметрией, но и с коммуникативной позицией участника и особенностями локальной институционально-жанровой практики.

Анализ литературы и методология

Лингвокультурологический аспект социально обусловленного речевого выбора связан с ценностной организацией коммуникации. Н. Ф. Алефиренко относит социальное положение и статус к числу социальных ценностей, что позволяет рассматривать социально маркированное речевое поведение не только в социолингвистическом, но и в лингвокультурологическом аспекте [1; с. 8]. В русском речевом этикете Н. И. Формановская связывает выбор ты- и Вы-форм с социальным статусом и социальной ролью собеседника, степенью знакомства, характером взаимоотношений и официальной ситуацией общения [3; с. 79–83]. Существенным для настоящего исследования является также разграничение симметричных и асимметричных ролевых позиций, связанных с равенством или неравенством участников по возрасту и служебному положению [3; с. 82–84].

В узбекском языкознании социальная обусловленность коммуникативного поведения получила разработку в исследованиях С. М. Муминова, Н. Махмудова, Ш. Сафарова и Д. М. Рузиматовой. Социолингвистическое направление изучения проблемы представлено докторским исследованием С. М. Муминова, посвящённым социально-лингвистическим особенностям узбекского коммуникативного поведения [5]. Н. Махмудов на примере вариантов *kel* и *keling* показывает социальную обусловленность выбора языковой формы, связывая её, в частности, с различиями в возрасте и статусе коммуникантов [4; В. 40]. В прагматическом плане Ш. Сафаров разграничивает социальный статус и социальную роль, связывает различия социальных позиций с формированием социальной дистанции и рассматривает их отражение в коммуникативном поведении [7; В. 155–158]. Д. М. Рузиматова, в свою очередь, рассматривает лексические и грамматические средства репрезентации социального статуса, включая местоимения, глагольные формы и формы обращения [6; В. 8–9].

Рассмотренные подходы показывают, что социальный статус выступает значимым, но не единственным параметром речевого выбора. Для анализа исследуемого материала принципиально разграничение относительно устойчивого положения участника в социальной структуре и выполняемой им социальной роли в конкретной ситуации. Ш. Сафаров связывает социальный статус с положением личности в обществе и коллективе, тогда как содержание социальной роли — с системой действий и требований, соотносимых с положением личности в обществе [7; В. 155–156]. Различия социальных позиций участников формируют социальную дистанцию и получают отражение в коммуникативном поведении [7; В. 156–157]. В рассматриваемом университетском взаимодействии обучающийся и институциональный представитель занимают неодинаковые социально-ролевые позиции и одновременно выполняют разные коммуникативные функции: первый инициирует взаимодействие посредством вопроса, просьбы или сообщения о проблеме, второй предоставляет информацию либо определяет возможный порядок дальнейших действий.

Данная коммуникативная конфигурация относится к институциональному типу общения. В. И. Карасик характеризует институциональный дискурс через типичных участников, хронология, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы, относя педагогический дискурс к его разновидностям [2; с. 208–209]. При этом институциональная заданность не устраняет речевой вариативности: применительно к университетскому общению система обращения может зависеть от возраста участника, степени личного знакомства и обстоятельств взаимодействия [2; с. 210].

Сопоставление рассмотренных подходов позволяет заключить, что социальная маркированность речевого поведения реализуется средствами разных языковых уровней и взаимодействует с ситуативными параметрами коммуникации. В русском речевом этикете существенное значение имеют формы адресации и выбор местоименного регистра, тогда как исследования узбекского коммуникативного поведения показывают значимость как лексических, так и грамматических средств социального маркирования. Социальный статус в связи с этим рассматривается не как фактор, автоматически определяющий конкретную речевую форму, а как один из параметров её выбора наряду с социальной ролью, коммуникативной позицией, социальной дистанцией и условиями взаимодействия.

Применительно к исследуемой сфере социально-статусная обусловленность вежливости может проявляться в номинативной и местоименно-грамматической адресации, способах оформления вопроса или просьбы, степени прямоты высказывания и средствах прагматического смягчения. Поэтому сопоставлению подвергаются не изолированные формальные соответствия, а функциональные способы языкового оформления статусно асимметричного взаимодействия.

При интерпретации материала учитывается также принадлежность высказывания к конкретному университетскому ресурсу. Повторяемость определённой этикетной модели в пределах отдельного канала может быть связана с локальной редакционно-жанровой практикой. В связи с этим регулярность языковой формы в одном источнике не рассматривается автоматически как характеристика соответствующего языка

или лингвокультуры в целом.

Эмпирическую основу исследования составили 20 публично доступных коммуникативных пар — 10 русскоязычных и 10 узбекязычных. Каждая пара включает иницирующую письменную реплику обучающегося и соотнесённый с ней опубликованный ответ институционального представителя образовательной организации. Материал формировался методом целенаправленной критериальной выборки, направленной на обеспечение социально-ролевой и функциональной сопоставимости анализируемых коммуникативных ситуаций.

Русскоязычный подкорпус включает четыре коммуникативные пары из публичного раздела «Вопросы ректору» Горно-Алтайского государственного университета и шесть — из одноимённого раздела Воронежского государственного университета [8; 9]. Узбекязычный подкорпус включает четыре коммуникативные пары из Telegram-канала ZaochkaKIUT (masofaviy) Международного университета Кимё в Ташкенте (Kimyo International University in Tashkent, KIUT) и шесть — из Telegram-канала TDTrU_online Ташкентского государственного транспортного университета [10; 11]. В первом случае анализируются вопросы и обращения, поступившие на имя ректора, во втором — обращения студентов к руководству университета.

Основным критерием включения являлась принадлежность инициатора обращения к категории действующих обучающихся соответствующей образовательной организации. Статус автора устанавливался на основании содержания сообщения или контекста публикации. Обращения абитуриентов, родственников, бывших студентов и обучающихся других образовательных организаций в выборку не включались. Наличие конкретного средства вежливости критерием отбора не являлось, что позволяло учитывать как эксплицитно маркированные, так и иные способы языкового оформления взаимодействия.

Каждая коммуникативная пара анализировалась по единой системе признаков. В иницирующих репликах фиксировались наличие и способы реализации приветствия, номинативной и местоименно-грамматической адресации, вопроса или просьбы, средств некатегоричного оформления запроса и благодарности. В ответных репликах учитывались приветствие, ролевая номинация, местоименные и притяжательные средства адресованности, а также способы оформления дальнейшего действия обучающегося, включая прямое побуждение, рекомендацию и конструкции со значением возможности. Выявленные средства сопоставлялись прежде всего по их прагматической функции, поскольку формальное количество этикетных элементов само по себе не является показателем характера вежливого оформления высказывания.

В анализируемой коммуникативной конфигурации социально-статусная и коммуникативная позиции участников частично совмещены: обучающийся занимает институционально зависимую позицию и одновременно выступает инициатором взаимодействия, тогда как представитель образовательной организации обладает институционально обусловленными полномочиями и выступает в ответной коммуникативной позиции. Поэтому выявляемые различия интерпретируются с учётом обоих параметров и не рассматриваются как следствие исключительно социального статуса.

В исследовании использованы сопоставительный, контекстуальный, прагмалингвистический и социалингвистический методы. Сопоставительный анализ применялся для выявления сходств и различий в функционально соотносимых средствах русского и узбекского языковых подкорпусов; контекстуальный и прагмалингвистический — для определения функций языковых единиц в конкретных коммуникативных ситуациях; социалингвистический — для рассмотрения выявленных средств в связи с социально-ролевыми позициями участников институционального взаимодействия. Анализ носит преимущественно качественный характер; количественные данные используются для характеристики распределения отдельных признаков внутри сформированной выборки и не рассматриваются как статистически репрезентативные показатели русского и узбекского коммуникативного поведения в целом. При интерпретации институциональных ответов учитывается возможность их предварительной редакционной или шаблонной обработки перед публикацией.

Обсуждение

В исследуемой коммуникативной ситуации обучающийся занимает институционально зависимую позицию и одновременно выступает инициатором взаимодействия. Его коммуникативная задача состоит в установлении контакта, обозначении предмета обращения и формулировании вопроса или просьбы. Социально-статусная асимметрия при этом не предполагает обязательного использования специальной номинации вышестоящего адресата: коммуникативная дистанция может регулироваться совокупностью контактных, грамматических и прагматических средств.

В русскоязычных иницирующих репликах эта функция реализуется, в частности, посредством приветствий и некатегоричного оформления запроса. Конструкции «Хотела бы узнать...», «Подскажите, пожалуйста...» и «Возможно ли...» позволяют оформить информационный запрос или желаемое действие без прямого категоричного побуждения [8; 9]. В отдельных случаях взаимодействие завершается эксплицитной благодарностью, например «Спасибо заранее!» [9]. При этом специальная номинация институционального адресата типа «уважаемый ректор» или «уважаемая администрация» в сформированной русскоязычной выборке не зафиксирована.

В узбекязычных иницирующих репликах наряду с формулой «Assalomu alaykum» представлены различные способы оформления просьбы и благодарности. Показателен фрагмент, в котором статусная номинация «Hurmatli rektor!» сочетается с конструкцией «Sizdan shuni iltimos qilardimki...» и завершающей

благодарностью «tashakkur» [10]. В других обращениях после приветствия автор непосредственно переходит к вопросу или описанию проблемы; в отдельных сообщениях используется предварительная благодарность «Javob uchun oldindan rahmat!» [10; 11].

Сопоставление иницирующих реплик показывает, что в обоих языковых подкорпусах регулирование коммуникативной дистанции обеспечивается сочетанием этикетных формул и способов прагматико-грамматического оформления запроса. Различия обнаруживаются в представленности отдельных средств, однако их распределение внутри небольшого и институционально неоднородного корпуса не позволяет непосредственно интерпретировать такие различия как устойчивые национально-культурные характеристики. Кроме того, использование приветствия связано не только со статусным соотношением участников, но и с самой иницирующей функцией реплики, что требует разграничивать социально-статусный и коммуникативно-позиционный параметры.

В ответной позиции коммуникативная задача меняется: представитель образовательной организации преимущественно предоставляет разъяснение, сообщает установленный порядок действий либо рекомендует обучающемуся дальнейшие действия. Поэтому языковые средства вежливости здесь взаимодействуют с информационной и регулятивной функциями институционального ответа. Отсутствие начального приветствия само по себе не свидетельствует об отсутствии вежливого оформления реплики, поскольку прагматическая организация институционального ответа не исчерпывается наличием отдельной этикетной формулы.

В русскоязычном материале непосредственная ориентация ответа на обучающегося может выражаться местоименно-грамматическими средствами. Так, в одном из ответов Воронежского государственного университета используются формы «Вашего факультета», «Вас», «Ваше желание», обеспечивающие персональную адресованность сообщения [9]. Регулятивная функция реализуется также посредством конструкций «обратитесь», «возьмите», «надо обращаться» [9]. Наличие императивной или иной побудительной формы при этом не рассматривается изолированно как показатель характера вежливого оформления ответа вне целостного коммуникативного контекста.

В узбекоязычном материале особого внимания заслуживает сочетание приветствия с ролевой номинацией «Assalomu alaykum, hurmatli talaba!», представленное в отобранных ответах KIUT [10]. Такая формула одновременно устанавливает контакт и эксплицирует институциональную роль адресата. Её концентрация в пределах одного университетского ресурса, однако, требует учитывать локальную институционально-жанровую практику и не позволяет автоматически распространять данную модель на узбекоязычное институциональное общение в целом.

Регулятивный компонент узбекоязычных ответов также характеризуется вариативностью: в исследуемом материале представлены способы оформления дальнейшего действия в форме рекомендации, возможности и более прямого побуждения [10; 11]. Следовательно, способы языкового оформления регулятивной функции не образуют последовательной межъязыковой оппозиции. При их интерпретации необходимо учитывать как коммуникативную позицию институционального представителя, так и принадлежность ответа к конкретному университетскому ресурсу.

Сопоставление полученных данных с рассмотренными теоретическими положениями показывает, что языковое оформление статусно асимметричного институционального взаимодействия характеризуется вариативностью конкретных средств его реализации. Наблюдаемая вариативность согласуется с положением Н. И. Формановской о связи выбора форм речевого этикета не только с социальным статусом и социальной ролью собеседника, но и со степенью знакомства, характером взаимоотношений и официальностью ситуации общения [3; с. 79–83]. В исследованном материале это проявляется в различном сочетании этикетных формул, номинативных и местоименно-грамматических средств адресации и способов оформления вопроса, просьбы или дальнейшего действия.

Узбекоязычный материал позволяет соотнести полученные наблюдения с положениями о социально маркированном выборе языковых средств, представленными в работах Н. Махмудова, Ш. Сафарова и Д. М. Рузиматовой. Зафиксированные в выборке формы «Hurmatli rektor!», «hurmatli talaba», «dekanatingiz», а также способы грамматического оформления просьбы и дальнейшего действия демонстрируют использование лексических и грамматических средств в условиях социально-ролевой асимметрии участников. Это соотносится с наблюдением Н. Махмудова над социально обусловленным выбором вариантов *kel* и *keling* [4; В. 40], положениями Ш. Сафарова о связи социального статуса и роли с социальной дистанцией и особенностями коммуникативного поведения, а также о ситуативной обусловленности выбора языковых средств [7; В. 155–158] и рассмотренными Д. М. Рузиматовой лексическими и грамматическими средствами репрезентации социального статуса, включая местоимения, глагольные формы и формы обращения [6; В. 8–9].

Вместе с тем результаты исследования уточняют применение этих положений к публичной университетской коммуникации. Социально-статусная асимметрия участников не соответствует единственному набору языковых средств: при сходной конфигурации «обучающийся — институциональный представитель» способы оформления взаимодействия различаются как между языковыми подкорпусами, так и внутри них. Особенно показательна узбекоязычная часть выборки, где формула «Assalomu alaykum, hurmatli talaba!» регулярно представлена в ответах одного университетского ресурса и отсутствует в отобранных ответах другого [10; 11]. Следовательно, повторяемость отдельной формы в исследованном материале необходимо интерпретировать с учётом не только социального статуса и языковой принадлежности, но и

локальной институционально-жанровой практики.

Тем самым проведённый анализ не выявляет жёсткой бинарной оппозиции между русскоязычной и узбекоязычной моделями вежливости. Обнаруженные различия позволяют говорить о вариативности способов языкового оформления статусно асимметричного взаимодействия, соотносящейся с сочетанием социально-статусных, коммуникативно-позиционных и институционально-жанровых параметров. Такой подход позволяет избежать прямого отождествления единичной или локально регулярной формы с национально-культурной характеристикой русского или узбекского коммуникативного поведения.

Результаты

Анализ иницирующих реплик показал, что приветствие представлено в обоих языковых подкорпусах, однако частотность его употребления различается. В русскоязычном материале приветствие зафиксировано во всех десяти обращениях обучающихся, в узбекоязычном — в восьми из десяти. В русскоязычных обращениях используются формулы «Здравствуйте!» и «Добрый день!», в узбекоязычных — «Assalomu alaykum!» [8; 9; 10; 11].

Специальная номинация институционального адресата в русскоязычных иницирующих репликах сформированной выборки не зафиксирована. В узбекоязычном материале обнаружен один случай обращения «Hurmatli rektor!» [10]. Таким образом, в исследованном материале статус адресата не обязательно получает эксплицитное номинативное выражение даже в условиях институционально асимметричного взаимодействия.

В обоих языковых подкорпусах представлены различные способы некатегоричного оформления вопроса или просьбы. В русскоязычном материале к ним относятся конструкции «Хотела бы узнать...», «Подскажите, пожалуйста...», «Возможно ли...» [8; 9]. В узбекоязычном материале зафиксирована, в частности, конструкция «Sizdan shuni iltimos qilardimki...» [10]. Эти способы функционально участвуют в оформлении вопроса или просьбы с учётом институциональной дистанции между участниками, однако их употребление само по себе не является достаточным основанием для общей прагматической оценки вежливого оформления высказывания.

Различия обнаружены и в представленности эксплицитной благодарности. В узбекоязычном подкорпусе она зафиксирована в четырёх из десяти иницирующих реплик, в русскоязычном — в одной из десяти. Среди соответствующих форм представлены «Спасибо заранее!», «Javob uchun oldindan rahmat!» и «tashakkur» [9; 10; 11]. Полученные количественные показатели характеризуют только сформированную выборку.

Таблица 1. Средства вежливости в иницирующих репликах обучающихся

Средство	Русскоязычные примеры	Узбекоязычные примеры	Основная функция
Приветствие	«Здравствуйте!»; «Добрый день!»	«Assalomu alaykum!»	Установление контакта
Статусная номинация адресата	—	«Hurmatli rektor!»	Эксплицитное обозначение статуса адресата
Некатегоричное оформление запроса	«Хотела бы узнать...»; «Подскажите, пожалуйста...»; «Возможно ли...»	«Sizdan shuni iltimos qilardimki...»	Снижение категоричности запроса
Благодарность	«Спасибо заранее!»	«Javob uchun oldindan rahmat!»; «tashakkur»	Этикетное оформление взаимодействия

Примечание. Знак «—» обозначает отсутствие соответствующего типа языковой реализации в сформированной выборке и не указывает на отсутствие данного средства в соответствующем языке или типе институционального общения в целом.

В ответных репликах особенно заметна вариативность распределения средств вежливости между отдельными институциональными ресурсами. Приветствие зафиксировано в четырёх из десяти русскоязычных и четырёх из десяти узбекоязычных ответов. В русскоязычном материале используются формулы «Здравствуйте!» и «Добрый день!» [8; 9]. Все четыре узбекоязычных ответа с приветствием относятся к материалу KIUT и содержат формулу «Assalomu alaykum, hurmatli talaba!» [10]. В шести отобранных ответах TDTTrU данная формула не зафиксирована [11].

В русскоязычных ответах непосредственная адресованность выражается местоименными и притяжательными формами, в том числе «Вас», «Вашего факультета», «Ваше желание» [9]. В узбекоязычных ответах также представлены местоименные и притяжательные средства непосредственной адресованности; в материале KIUT зафиксированы, в частности, формы «Sizning» и «dekanatingiz» [10]. Наличие таких средств свидетельствует об ориентации сообщения на конкретного адресата, однако само по себе не является достаточным основанием для общей прагматической оценки вежливого оформления ответа.

Различия обнаруживаются и в способах оформления дальнейшего действия обучающегося. В отдельных русскоязычных ответах представлены конструкции «обратитесь», «возьмите», «надо обращаться» [9]. В узбекоязычном материале используются как конструкции со значением возможности, например «murojaat qilishingiz mumkin» [11], так и более прямые способы обозначения требуемого действия — «murojaat qiling»

[11]. В материале KIUT зафиксировано также рекомендательное «tavsiya qilamiz» [10]. Таким образом, способы оформления дальнейшего действия варьируются не только между русскоязычным и узбекоязычным материалом, но и внутри узбекоязычного подкорпуса.

Таблица 2. Средства вежливости в ответных репликах институциональных представителей

Средство	Русскоязычные примеры	Узбекоязычные примеры	Основная функция
Приветствие	«Здравствуйте!»; «Добрый день!»	«Assalomu alaykum!»	Установление и поддержание контакта
Ролевая номинация	—	«Hurmatli talaba!»	Эксплицитное обозначение институциональной роли адресата
Местоименные и притяжательные средства адресованности	«Вас»; «Вашего факультета»; «Ваше желание»	«Sizning»; «dekanatingiz»	Непосредственная адресованность ответа
Оформление дальнейшего действия	«обратитесь», «возьмите», «надо обращаться»	«murojaat qilishingiz mumkin», «murojaat qiling», «tavsiya qilamiz»	Регуляция дальнейшего действия обучающегося

Примечание. Знак «—» обозначает отсутствие соответствующего типа языковой реализации в сформированной выборке и не указывает на отсутствие данного средства в соответствующем языке или типе институционального общения в целом.

Сопоставление ответных реплик выявило как межъязыковую, так и внутриязыковую институциональную вариативность. Наиболее отчётливо последняя проявляется в распределении формулы «Assalomu alaykum, hurmatli talaba!»: она представлена во всех четырёх отобранных ответах KIUT и не зафиксирована ни в одном из шести отобранных ответов TDTU [10; 11]. Вариативность обнаруживается и в способах оформления дальнейшего действия обучающегося: в русскоязычном материале представлены конструкции «обратитесь», «возьмите», «надо обращаться» [9], тогда как в узбекоязычном подкорпусе наряду с конструкцией возможности «murojaat qilishingiz mumkin» и прямым побуждением «murojaat qiling» [11] зафиксировано рекомендательное «tavsiya qilamiz» [10]. Таким образом, исследованный материал не позволяет установить однозначное соответствие между языковой принадлежностью ответа и определённым способом оформления дальнейшего действия.

В целом полученные результаты показывают, что при сходной социально-статусной конфигурации участников языковое оформление вежливости характеризуется вариативностью как между русскоязычным и узбекоязычным подкорпусами, так и внутри одного языкового подкорпуса. Выявленное распределение средств рассматривается как характеристика сформированной выборки и требует учёта коммуникативной позиции участников и локальных институционально-жанровых условий взаимодействия.

Заключение

Проведённое исследование показало, что выбор форм вежливости в статусно асимметричном публичном университетском взаимодействии характеризуется вариативностью и не может быть объяснён действием одного социально-статусного параметра. В исследованном материале языковое оформление иницирующих и ответных реплик соотносится с социально-статусной конфигурацией участников, их коммуникативной позицией и локальными институционально-жанровыми условиями взаимодействия.

Сопоставление русскоязычного и узбекоязычного подкорпусов выявило как общие функциональные способы регулирования коммуникативной дистанции, так и различия в представленности отдельных средств. В исследованном материале представлены этикетные формулы, номинативные и местоименно-грамматические средства адресации, а также различные способы оформления вопроса, просьбы и дальнейшего действия. Вместе с тем обнаруженные различия не образуют последовательной бинарной оппозиции между русскоязычной и узбекоязычной моделями вежливости и не дают оснований непосредственно интерпретировать отдельные формы как устойчивые национально-культурные характеристики.

Существенным результатом исследования является выявленная внутриязыковая институциональная вариативность. Концентрация отдельных форм в пределах конкретного университетского ресурса при их отсутствии в другом ресурсе того же языкового подкорпуса показывает необходимость разграничивать межъязыковые различия и локальные способы институционального оформления коммуникации. Следовательно, при анализе социально-статусной обусловленности форм вежливости необходимо учитывать не только статусное соотношение коммуникантов, но и их функцию в конкретном коммуникативном акте, а также жанровые и институциональные условия реализации высказывания.

Таким образом, социальный статус целесообразно рассматривать как один из взаимосвязанных параметров выбора форм вежливости, действие которого в реальной коммуникации проявляется во взаимодействии с коммуникативно-позиционными и институционально-жанровыми факторами. Такой подход

позволяет точнее интерпретировать языковые различия и избегать перенесения локально или единично представленных форм на русский или узбекский язык и соответствующую лингвокультуру в целом.

Полученные результаты характеризуют сформированную выборку из двадцати коммуникативных пар и не претендуют на статистическую репрезентативность русскоязычного и узбекоязычного институционального общения в целом. Расширение корпуса, увеличение числа институциональных ресурсов и включение других типов статусно асимметричного взаимодействия позволят в дальнейшем точнее разграничить роль социального статуса, коммуникативной позиции и локальной институциональной практики в выборе форм вежливости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие*. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 282, [1] с. – [Российская государственная библиотека](#)
2. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – [Google Books](#)
3. Формановская Н. И. *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 1987. – 158 с. – [Национальная электронная библиотека](#)
4. Mahmudov N. *O'qituvchi nutqi madaniyati*. – Toshkent: Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston Milliy kutubxonasi nashriyoti, 2007. – 188 b. – [Elektron manba](#)
5. Mo'minov S. M. *O'zbek muloqot xulqining ijtimoiy-lisoniy xususiyatlari : filol. fan. d-ri diss. avtoref*. – Toshkent: O'zR FA TAI, 2000. – 47 b.
6. Ro'zimatova D. M. *Nutqiy muloqotda so'zlovchi va tinglovchining ijtimoiy maqomi : filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi avtoreferati*. – Toshkent, 2025. – 57 b. – [OAK](#)
7. Safarov Sh. *Pragmalingvistika*. – Toshkent, 2008. – 318 b. – [Elektron manba](#)
8. Горно-Алтайский государственный университет. *Вопросы ректору* [Электронный ресурс]. – [Горно-Алтайский государственный университет](#)
9. Воронежский государственный университет. *Вопросы ректору* [Электронный ресурс]. – [Воронежский государственный университет](#)
10. ZaochkaKIUT (masofaviy). *Rektor nomiga kelib tushgan savol va murojaatlarga javoblar* [Elektron resurs]. – [ZaochkaKIUT](#)
11. TDTrU_online. *Toshkent davlat transport universiteti talabalarining universitet rahbariyatiga murojaatlari va javoblar* [Elektron resurs]. – [TDTrU online](#)